

## КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В РАМКАХ ЖАНРА ИНТЕРВЬЮ

*М.В. Никифорова*

Предпринята попытка проанализировать коммуникативно-речевое поведение известного общественного и политического деятеля Е. Ройзмана в рамках сложного коммуникативного события интервью-беседы. Характеризуется содержательное поле жанра; осуществляется стилистическая квалификация наиболее частотных в речевых ходах интервьюируемого языковых единиц; определяется тип его языковой личности с позиции диалогического общения. Основные закономерности коммуникативно-речевого поведения раскрываются через анализ коммуникативных тактик, формирующих микроуровень интервью-беседы.

*Ключевые слова:* речевой портрет, жанр, сложное коммуникативное событие, интервью, коммуникативный эпизод, речевой ход, коммуникативные стратегии и тактики, тип языковой личности.

Речевое портретирование политических деятелей является популярным направлением политической дискурсологии [1, 2, 13, 14]. В большинстве исследований оно осуществляется в рамках лингвокогнитивного анализа с применением модели языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым [12]. Сравнительно новым, но весьма перспективным направлением представляется также изучение дискурса политиков в русле персонологической генристики (термин В.В. Дементьева [5, 6]), предполагающей описание языковой личности через призму речевых жанров.

В ряде исследований [11, 15] модель описания дискурса языковой личности в жанровом аспекте предполагает, во-первых, обозначение основных параметров жанра, его типологических характеристик, и, во-вторых, анализ коммуникативно-речевого поведения языковой личности в рамках данного жанра. Последний включает в себя определение макроструктуры и содержательного поля жанра; лингвостилистический анализ речи; характеристику основных внутрижанровых коммуникативных стратегий и тактик и языковых средств их реализации.

В качестве рабочего определения жанра мы принимаем дефиницию В.В. Дементьева и К.Ф. Седова: жанр – это «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [7, с. 6; 8, с. 54]. Отдельно мы рассматриваем также событийные речевые жанры (сложные речевые события [4; 9], гипержанры [7, 8]), то есть «речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своем составе несколько жанров, которые в свою очередь состоят из субжанров, одноактных высказываний, входящих в состав жанра на правах тактик» [7, с. 20].

Одной из самых частотных событийных жанровых форм политической коммуникации является интервью. Существует множество модификаций этого жанра – интервью-мнение, теледебаты, ток-шоу, «прямая линия», пресс-конференция. В фокусе нашего внимания – интервью-беседа, жанровая разновидность, выделенная нами на основании ряда характерных признаков.

Специфика политического интервью состоит в многослойном характере его коммуникативной цели [15, 18]. Так, О.Н. Паршина называет политическое интервью информационно-интерпретационным диалогом, отмечая, что «в политических диалогах подобного типа на первый план выступает не содержательно-фактуальная информация, а содержательно-концептуальная, раскрывающая авторское понимание отношений между явлениями, фактами, событиями и обнаруживающая их скрытый смысл» [15, с. 33].

Типологическими характеристиками интервью-беседы как жанровой разновидности интервью следует считать публичный характер, сценарность, определенный ролевой и коммуникативный состав участников, вопросно-ответную структуру и типовое композиционное оформление. В качестве дифференцирующих жанровых признаков интервью-беседы можно выделить сравнительно долгую протяженность, отсутствие жесткой тематической привязанности, коммуникативную активность ведущего, а также особые ситуативные условия (один или в отдельных случаях двое ведущих и один интервьюируемый в ситуации непосредственного общения, но с «дистанционным и пассивным истинным адресатом» [15, с. 38]). Интервью-беседу следует отличать от таких разновидностей жанра, как, например, интервью-

мнение, которое часто носит незапланированный характер и своей коммуникативной целью имеет освещение точки зрения политика по одному конкретному вопросу.

Объектом настоящего исследования стал дискурс общественного и политического деятеля, основателя фонда «Город без наркотиков», мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана. Для анализа были взяты шесть телеинтервью общей продолжительностью около 250 минут за период с 2011 по 2013 г. до фактического вступления Е. Ройзмана в должность мэра Екатеринбурга. Указанный период времени характеризуется общественной и политической активностью Е. Ройзмана (деятельностью в качестве руководителя фонда «Город без наркотиков», членством в политических партиях «Правое дело» и «Гражданская платформа», а также предвыборной борьбой за пост мэра Екатеринбурга). Дискурс Е. Ройзмана в качестве главы города является предметом отдельного исследования и в рамках данной статьи не рассматривается.

Прежде всего отметим, что все анализируемые интервью-беседы носят неофициальный характер и представляют Е. Ройзмана в первую очередь общественным деятелем, нежели политиком. На это указывает, во-первых, отсутствие агитационной направленности в речи интервьюируемого и, во-вторых, организация содержательной структуры жанра: центральной темой всех интервью-бесед является деятельность Е. Ройзмана в качестве руководителя фонда «Город без наркотиков». В рамках ведущей темы можно выделить следующие тематические блоки: история борьбы с наркоторговцами, методы наркореконструкции, юридические конфликты фонда в связи с неправомерностью используемых методов, актуальные проблемы по борьбе с наркобизнесом и наркозависимостью в стране. Вопросы политической активности Е. Ройзмана (работа в качестве депутата Государственной Думы, политическая связь с М. Прохоровым и членство в политических партиях, отношения с региональной властью, участие в выборах на пост главы Екатеринбурга) рассматриваются исключительно через призму его общественной деятельности. Интересы Е. Ройзмана в области литературы и искусства обсуждаются в качестве отступления от основной темы.

На макроуровне интервью-беседы как информационно-интерпретационного диалога в качестве основной единицы анализа мы выделяем коммуникативный эпизод. Его основными показателями И.Н. Борисова называет 1) ориентированность на решение коммуникативной задачи (коммуникативно-деятельностное основание); 2) тематическую цельность (показатель содержательной целостности); 3) иллокутивную связанность реплик-высказываний внутри эпизода (показатель прагматической связанности); 4) жанрово-композиционную оформленность (показатель структурно-речевой целостности) [3, с. 26]. В рамках интервью-беседы

мы определяем границы коммуникативных эпизодов в первую очередь на основании ведущей микротемы (история фонда, методы наркореконструкции и т. д.). Применительно к нашему материалу коммуникативные эпизоды, как правило, состоят из нескольких вопросно-ответных ходов.

Уровень микроструктуры интервью-беседы образуют внутрижанровые стратегии и тактики, используемые ведущим и интервьюируемым в своих речевых ходах. Именно анализ внутрижанровых стратегий и тактик позволяет обнаружить основные закономерности коммуникативно-речевого поведения языковой личности, поскольку, как отмечает В.В. Дементьев, являясь «единицами меньшего уровня абстракции, чем жанры, они более непосредственно связаны с состояниями и интенциями языковой личности» [8].

Таким образом, с опорой на классификацию О.Н. Паршиной [15], мы выделяем следующие тактики в речевых ходах Е. Ройзмана: комментирования, разъяснения и указания на путь решения проблемы (в рамках информационно-интерпретационной стратегии); иллюстрирования и обоснованных оценок (в рамках аргументативной стратегии); оспаривания (в рамках стратегии самозащиты); отождествления (в рамках стратегии самопрезентации); обвинения, оскорбления, критики и дистанцирования (в рамках стратегии дискредитации); единения и призыва (в рамках стратегии формирования эмоционального настроения адресата). Отметим, что тактики редко реализуются в чистом виде, соответственно при определении характера тактик мы исходим из того, какая целеустановка является доминирующей. Как можно видеть, спектр применяемых Е. Ройзманом тактик достаточно широк. Рассмотрим наиболее репрезентативные и интересные с точки зрения языкового наполнения.

Тактика комментирования имеет целью описание ситуации с позиции говорящего, изложение его точки зрения на проблему: *Вот сейчас я считаю / что наркоторговля – это преступление очень циничное* // [74.ru. 120 часов. 18.03.12]. В реализации тактики комментирования можно отметить несколько характерных моментов. Во-первых, употребление дискурсивных фраз (*я считаю, я уверен, на мой взгляд*): *Я считаю / первая задача любой власти / это сохранение своего населения...* // [74.ru. 120 часов. 18.03.12]; *Вот я / с позиции своего жизненного опыта / считаю что ни одному русскому / интеллигентному человеку / не помешало бы / хотя бы немножко посидеть в тюрьме* // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13]. Во-вторых, активное использование метакомментирования (*хочу сказать одну вещь, еще раз говорю, скажем*): *А теперь я скажу одну очень простую вещь* // *Проблема наркотиков настолько серьезна / что она касается всех слоев общества* // [«Рифей ТВ». Прямой эфир. 17.08.11]; *Еще раз говорю / никогда в жизни я ни от кого не отказы-*

вался не отрекался // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13]. Как отмечает О.Н. Паршина, функции подобных выражений не сводятся только к метакомментированию. Их задачи гораздо шире: структурирование информации, акцентирование внимания, ситуативно-типологизирующая функция, то есть указание на то, что имеет место именно диалог, персуазивность – речевое воздействие в широком смысле [15, с. 123–124]. Следующая характерная особенность комментирования в речи Е. Ройзмана – это частое обращение к зрителю. Подобного рода приемы акцентируют внимание адресата на сообщаемой информации, а также придают сообщению экспрессивную тональность. Обращение к зрителю может содержать признание: *Люди добрые / никогда в жизни я не входил в Уралмашевскую группировку!* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; призыв-утверждение: *Люди добрые / послушайте пожалуйста меня // Когда вам кто-то рассказывает про ломку / запомните / это показательные выступления для журналистов и для родителей* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; *Друзья / послушайте / это байка / не верьте никогда // Бывают и бывшие наркоманы / и бывшие алкоголики* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]. Обращение к зрителю активно используется и в реализации других тактик: тактики призыва: *... Люди должны включаться и помогать // Друзья / эта наша страна / другой страны у нас нет / и мы должны понимать / что в нашей стране / все что сам не сделаешь / за тебя не сделает никто* // [«Рифей ТВ». Прямой эфир. 17.08.11]; тактики оспаривания: *Люди добрые / вот щас здесь передергивание // Каждый / кто попадает к нам / пишет согласие на реабилитацию добровольно* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; тактики иллюстрирования: *У меня случай был // Люди добрые / специально вам расскажу случай* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12].

Тактика разъяснения имеет место, когда необходимо фактологическое обоснование проблемы: *Маша / объясняю / ... Этот договор ... / ... между Министерством госимущества и фондом «Город без наркотиков» / прошел официальную юридическую экспертизу / был зарегистрирован в государственной регпалате / государственным нотариусом / то есть там идиотов нет // Все / это был известный совершенно акт / который одобрили все* // [Газета.ru. Предметный разговор. 30.10.12]. На наш взгляд, именно в характере информации состоит основное различие между тактикой комментирования (субъективные данные – мнения и оценки описательного характера) и тактикой разъяснения (преимущественно объективные данные – содержательно-фактуальная информация).

Представляется вполне закономерным, что в интервью общественно-политического характера информационно-интерпретационные тактики в речевых ходах интервьюируемого выступают в тесном взаимодействии с аргументативными так-

тиками. В высказываниях Е. Ройзмана наиболее ярко представлена тактика иллюстрирования, проявляющаяся в использовании фактов и примеров. Факты и статистические данные составляют основу рациональной аргументации: *Но только за 2010 год / щас вслушайтесь в эту цифру / 126 тысяч человек погибло от употребления наркотиков // Ну за время Афганской войны / а это 13 лет / погибло 13 тысяч* // [«Рифей ТВ». Прямой эфир. 17.08.11]. Как можно видеть из приведенного примера, цифры преподносятся не в «сухом» виде, а в сопоставлении, что позволяет легче оценить масштабы трагедии, о которой говорит Е. Ройзман. Кроме того, парентетические внесения (*щас вслушайтесь в эту цифру, а это 13 лет*), глагол *погибло*, имеющий коннотативное значение трагической смерти, апеллируют к чувствам слушателей, вызывая в них ужас и формируя убеждение в необходимости действия «Городу без наркотиков».

Примеры, составляющие эмоциональную сторону аргументации в высказываниях Е. Ройзмана, могут быть как конкретными, так и «потенциально возможными» [15, с. 165]: *Я считаю что каждый раз нельзя руководствоваться готовыми схемами /... Например / ты видишь что человек тонет / и ты его вытаскиваешь за волосы // Так-то нельзя человека за волосы таскать / но если ты его тащишь из проруби / ты его тащишь за волосы / подругому у тебя не получится* // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13]; *... Если ты человека вылечил от гонореи / и вылечил много народу от гонореи / когда тебя начинают поливать со всех сторон / ты можешь сказать / люди / кого я вылечил от гонореи / придите пожалуйста / покажитесь / и никто не покажется / правильно?//* [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12].

В отдельных случаях реализации тактики иллюстрирования Е. Ройзман использует одновременно и факты (статистические данные) и примеры (образные ситуации): *У нас с 2002 года / от наркотиков в Екатеринбурге не умер ни один ребенок // А умирало человек по 40 // ну что такое 40 детей умерло?// Это вот представляешь / заходишь / первое сентября / заходишь в класс / детки перед тобой сидят / ты их всех видишь / разговариваешь // А приходишь 31 мая / перед тобой только кресты стоят // Так вот выглядят 40 детских смертей в год / что был класс и не стало* [«Рифей ТВ». Прямой эфир. 17.08.11]. Подобные приемы апеллируют одновременно и к разуму и к эмоциям адресата и, как следствие, повышают суггестивность речевого воздействия.

На языковом уровне тактика иллюстрирования характеризуется наличием маркеров – особым рода дискурсивных слов: *например, представляешь, представь себе* и др.

Отметим, что стратегии самопрезентации и дискредитации, базовые для политического дискурса [10, 15, 17], применительно к анализируемому материалу не являются ведущими, а реализу-

ются исключительно в рамках информационно-интерпретационной и аргументативной стратегий.

Тактика отождествления проявляется в первую очередь в употреблении дейксисов я/мы. О.С. Иссерс называет грамматическую оппозицию я/мы в наименовании субъекта категорией персонализации [10, с. 205]. Так, в первую очередь Е. Ройзман идентифицирует себя как часть команды фонда «Город без наркотиков»: *Тем не менее мы много лет работали на свой страх и риск / спасли огромное количество народу* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; *И в какой-то момент мы начали набирать мощность // мы несколько раз подходили к этому проекту* // [«Рифей ТВ». Прямой эфир. 17.08.11]. Мы также представляет Е. Ройзмана как жителя своего города: *Мы-то здесь родились и выросли / мы работаем / это наш город ...* // [Газета.ru. Предметный разговор. 30.10.12]. Отметим, что несмотря на членство в политических партиях – «Правое дело», а затем «Гражданская платформа» – партийная риторика в речи Е. Ройзмана в рамках жанра интервью не присутствует. В этой связи апелляций к мы-конструкциям в отношении его партийной деятельности не отмечается.

Обращение к я-конструкциям наблюдается в эмоционально окрашенных репликах, выражающих личную заинтересованность, личное участие Е. Ройзмана в деятельности фонда и жизни города: *и я делаю все чтоб они живыми остались! Я вкладываю свои деньги / свою энергию / свою душу / чтобы они живы остались!* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; *Я здесь родился и вырос // Я люблю свой город* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12].

Стратегия дискредитации в речи Е. Ройзмана носит двунаправленный предметный характер. В первую очередь объектом критических высказываний становится региональная милиция, действующая в период начала деятельности «Города без наркотиков»: *Да нет никакой наркомафии / вы че? / есть менты продажные!* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12] – тактика оскорбления; *... Когда мы начинали фонд, когда мы подняли восстание /... всю торговлю наркотиками в Екатеринбурге контролировала милиция* [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12] – тактика обвинения. Характерно, что на фоне критики реализуются и высказывания положительной оценки: *Можно заставить правоохранительные органы работать /... то есть мы можем видеть все / что система сгнила уже напрочь / но там все равно / всегда / есть честные порядочные люди // В общем-то на них все и держится* // [74.ru. 120 часов. 18.03.12].

Вторым объектом критики в высказываниях Е. Ройзмана становится региональная власть: *Да че они могут сделать-то? Это же Единая Россия!!* // [Газета.ru Предметный разговор. 30.10.12]; *Косвенно я своей победой обязан губернатору / безмозглым его пиарщикам и холуям / и продажным полицейам* // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13]; *Прислали такого Бородин // на мой взгляд / один*

*из самых бездарных руководителей ГЛАВКа* // [Радио «Свобода». Лицом к событию. 13.08.13] – тактика оскорбления; *Любовь может завоевываться только поступками / действиями / и работой // Но им это не приходит в голову / они пришли не работать* // [Газета.ru. Предметный разговор. 30.10.12]; *Они зашли / назначенцы / и они просто с нами не считались / они нас пытались уничтожить / по-настоящему* // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13] – тактика обвинения. Наряду с тактиками оскорбления и обвинения, мы рассматриваем также тактики критики и дистанцирования – неспециализированные тактики в классификации О.Н. Паршиной, но отмеченные нами именно в рамках стратегии дискредитации: *Вместо того чтобы встать рядом и поддержать / выходит губернатор / и говорит // Мы сделаем свою организацию / она будет называться там / ну «Вселенная без наркотиков»* // [Газета.ru. Предметный разговор. 30.10.12] – тактика критики; *У них там ароматерапия / еще что-то // Они там сказки рассказывают / но опять же / у них там ароматерапия и так далее // Ни одного выпускника! // Мы же все это время работаем / и операции идут / и людей вытаскиваем..* // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13]; *У нас вон / губернатор придумал / спасти наркоманов путем целования в ж..ну и ароматерапией* // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; *У нас подряд зашли в город несколько назначенцев // причем все люди амбициозные такие / деятельные* // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13] – тактика дистанцирования.

Как можно видеть, на языковом уровне тактики дискредитации, помимо прямой негативной оценки, реализуются через употребление инвективной и стилистически сниженной лексики (*холуи, безмозглые пиарщики, продажные полицейки*); дейктических элементов *они, там, вон (у них там ароматерапия и так далее; она будет называться там / ну «Вселенная без наркотиков», у нас вон губернатор)*; оппозицию дейксисов *они-мы (они там сказки рассказывают.. – мы же все это время работаем..)*; атрибутивных компонентов с ложной положительной оценкой (*все люди амбициозные, деятельные такие*); лексему с субъективно-оценочным знаком *назначенцы*.

Обратимся к анализу лингвостилистического потенциала высказываний Е. Ройзмана. Анализ единиц лексического уровня показал, что для речи Е. Ройзмана характерно смешение в узком контексте лексем разной стилиевой окраски – книжной и разговорной: *... Губернатор / это непосредственная ежедневная работа // Это надо мотаться по области / вникать во все проблемы / грузиться этими проблемами* // [«Свобода». Лицом к событию. 13.08.13]; *Многие великие серьезные дела / они начинались не так что / я должен это сделать / я к этому готов / я обязан это сделать / и я это сделаю // Они начинались совсем по-другому // Ну хрен с ним / попробуем* // [«Дождь». Собчак

живьем. 10.09.13]. Комбинация разностилевой лексики, во-первых, способствует усилению выразительности речи, ее экспрессивности, а во-вторых, служит популяризации изложения, демонстрации солидарности с адресатом, готовности «говорить на языке аудитории». Кроме того, концентрация жаргонной, местами ненормативной лексики в высказываниях, посвященных проблеме борьбы с наркоманией и наркоторговлей, способствует привлечению внимания аудитории к собственной позиции Е. Ройзмана, демонстрирует его неравнодушное отношение к ситуации: ... В первую очередь задушили сам цыганский поселок // У нас село несколько высокопоставленных сотрудников милиции... // ...А потом в Челябинске ФСБэшники хлопнули Даврона Хусенова / Ну тот по несколько центнеров в месяц затаскивал героина в область // [«Рифей ТВ». Прямой эфир. 17.08.11].

На уровне синтаксической организации речи можно отметить следующие закономерности. Во-первых, активное использование Е. Ройзманом прямой речи и автоцитаций: Он говорит / Я для себя добился всего / и я могу жить припеваючи до конца своей жизни // [74.ru. 120 часов. 18.03.12]; Знаешь / ты можешь мне сейчас сказать / как делают все правозащитники // Вы неправильно спасаете наркоманов! // Я скажу / хорошо / расскажите / как это делаете вы! // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]. Во-вторых, многочисленные парентетические внесения – главным образом в экспрессивно-оценочной функции: Отцу Аврааму сказали как-то // один из самых авторитетных священников... // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]. В-третьих, частое употребление повторов – в функции корректировки фразы: И мы однажды / ему было 42 года / ему было 42 года / а мне было 37 // а мне было 36 по-моему / да / я был молодой совсем // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]; и в функции акцентирования деталей высказывания: Но я всегда знал / что в каждой конкретной ситуации / можно включаться и добиваться справедливости // В каждой / конкретной ситуации // [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13]; Чтоб было понятно / гепатит у каждого // Какие медики / о чем вы говорите? / до 300 человек находится народу // гепатит у каж-до-го! // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]. Таким образом, если в функции корректировки повтор можно рассматривать как характерный элемент спонтанной коммуникации, то в функции акцентирования – как риторический прием, усиливающий речевого воздействия эффект. Повышению выразительности речи и актуализации определенных компонентов содержания высказывания на синтаксическом уровне способствует также использование Е. Ройзманом параллельных и парцелированных конструкций (в основном в эмоционально окрашенных высказываниях): Я никогда не входил в Уралмашевскую группировку! // никогда / никак / никаким образом! // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12]. Кроме

того, нами отмечены единичные примеры использования фигур речи: Любая мечта о мести / о возмездии // это гири на ногах [«Дождь». Собчак живьем. 10.09.13] – метафора; Обвинить человека в наркоторговле / это все равно что обвинить его в людоедстве // это надо или застрелить / или застрелиться // [Russia.ru. Прямой эфир. 23.11.12] – сравнение.

Анализ поведенческого плана Е. Ройзмана с позиции диалогического общения позволяет характеризовать его как кооперативно-актуализаторский тип языковой личности [16, с. 27]. Е. Ройзман сосредоточен на диалоге, ориентируется на собеседника, активно использует приемы установления и поддержания контакта, такие как обращение по имени, реактивные реплики «обратной связи», типа Я вас услышал, Я услышал твой вопрос, Я нормально объяснил? Нормальный пример привел? Следует, однако, отметить, что от характера взаимодействия Е. Ройзмана и интервьюера напрямую зависит не только выбор им соответствующих коммуникативных тактик и языковых средств их реализации, но и степень его речевого контроля: чем выше активность ведущего, чем больше провокационных вопросов он задает, тем активнее отстаивает свою позицию Е. Ройзман, что выражается главным образом в количестве эмоционально-экспрессивных форм высказываний (жаргонной и инвективной лексики, экспрессивного синтаксиса, интонационном оформлении речи).

Подводя краткие итоги проведенного анализа, можно отметить следующие закономерности коммуникативно-речевого поведения Е. Ройзмана в рамках жанра интервью-беседы. В первую очередь Е. Ройзман предстает в интервью общественным деятелем, создателем и руководителем фонда «Город без наркотиков». Именно его общественная деятельность становится центральной темой содержательного поля жанра. На уровне микроструктуры интервью-бесед с Е. Ройзманом можно выделить целый спектр коммуникативных стратегий и тактик, ведущей из которых становится информационно-интерпретационная стратегия. На языковом уровне отмечается смешение разностилевой лексики, активное использование прямой речи, повторов и парцелированных конструкций. В диалоге Е. Ройзман проявляет себя как кооперативно-актуализаторский тип языковой личности, при этом степень его коммуникативно-речевого контроля во многом зависит именно от характера взаимодействия с интервьюером.

#### Литература

1. Альшеева, Ю.С. Речевой портрет В.В. Путьина / Ю.С. Альшеева // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. – 2012. – № 2 (16) – С. 171–174.
2. Асташова, О.И. Речевой портрет Н.Ю. Бельх: динамический аспект / О.И. Асташова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3 (37). – С. 64–68.

3. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 408 с.
4. Гольдин, В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В.Е. Гольдин // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 23–34.
5. Дементьев, В.В. Аспекты проблемы «речевой жанр и языковая личность» / В.В. Дементьев // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63), № 2. Ч. 1. – С. 313–318.
6. Дементьев, В.В. Персонологическая генристика / В.В. Дементьев. – <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-7> (дата обращения 19.01.2014).
7. Дементьев, В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. пед. ин-та, 1998. – 107 с.
8. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
9. Дубровская, О.Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О.Н. Дубровская // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 101–107.
10. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
11. Казакова, О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте / О.А. Казакова. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 200 с.
12. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
13. Михальская, А.К. О речевом поведении политиков / А.К. Михальская. – [http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8\\_politics.html](http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8_politics.html) (дата обращения 10.01.2014).
14. Осетрова, Е.В. Речевой портрет политика: содержательная и коммуникативная составляющие / Е.В. Осетрова // Лингвистический ежегодник Сибири. – 1999. – № 1. – С. 58–66.
15. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук / О.Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
16. Седов, К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов, 1999. – № 2. – С. 14–28.
17. Шейгал, Е.И. Семантика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 386 с.
18. Andone, C. Confrontational strategic manoeuvres in a political interview / C Andone // *Controversia*. – 2010. – № 7(1). – P. 74–90.
19. Eemeren, F.H. In varietate concordia – united in diversity: European parliamentary debate as an argumentative activity type / F.H. van Eemeren, B.J. Garssen // *Controversia*. – 2010. – № 7(1). – P. 19–37.

**Никифорова Марина Владимировна**, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), [armada29@yandex.ru](mailto:armada29@yandex.ru). Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.П. Чудинов.

*Поступила в редакцию 4 апреля 2014 г.*

---

**Bulletin of the South Ural State University  
Series “Linguistics”  
2014, vol. 11, no. 3, pp. 69–75**

---

## COMMUNICATIVE CHARACTERISTICS OF A POLITICAL FIGURE IN THE GENRE OF INTERVIEW

*M.V. Nikiforova, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation, [armada29@yandex.ru](mailto:armada29@yandex.ru).*

The author of the article has made an attempt to analyze communicative behaviour of the famous public and political figure Eu. Roizman in the context of such a complex speech event as an interview. The author characterizes the content structure of the genre; gives the stylistic qualification of the most frequent language units in the interviewee's speech moves; determines the interviewee's language personality type from the viewpoint of dialogic communication; reveals the basic communicative behaviour patterns through analyzing communicative tactics that form the interview microlevel.

*Keywords: speech portrait, genre, complex speech event, interview, communicative episode, speech move, communicative strategies and tactics, language personality type.*

## References

1. Alysheva Yu.S. [Speech portrait of V.V. Putin]. *Journal of Volgograd State University*, 2012, no. 2 (16), pp. 171–174. (in Russ.)
2. Astashova O.I. [Speech portrait of N.Yu.Belych: dynamic aspect]. *Political linguistics*, 2011, no. 3 (37), pp. 64–68. (in Russ.)
3. Borisova I.N. *Russkiy razgovornyy dialog: structura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural State University, 2001, 408 p.
4. Gol'din, V.E. [The names of speech events, actions, and speech genres]. *Speech genres*, 1997, no. 1, pp. 23–34. (in Russ.)
5. Demytyev V.V. [Aspects of “speech genre and language personality” issue]. *Scientific notes of the Taurida National V.I. Vernadsky University*, 2011. Vol. 23 (64), no. 2. Part 1, pp. 313–318. (in Russ.)
6. Demytyev V.V. *Personologicheskaya genristica* [Personological genristics]. Available at: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-7>.
7. Demytyev, V.V., Sedov, K.F. *Sociopragmaticheskiy aspekt teorii rechevych zhanrov* [Socio-pragmatic aspect of the speech genre theory]. Saratov, Publishing house of Saratov State University, 1998, 107 p.
8. Demytyev V.V. *Teoriya rechevych zhanrov* [Speech genre theory]. Moscow, Publishing house Znack, 2010, 600 p.
9. Dubrovskaya O.N. [Complex speech events and speech genres]. *Speech genres*, 1999, no. 2, pp. 101–107. (in Russ.)
10. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. Moscow, Publishing house LKI, 2008, 288 p.
11. Kazakova O.A. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect language personality in the aspect of genre]. Tomsk: Publishing house TPU, 2007, 200 p.
12. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and language personality]. Moscow, Publishing house LKI, 2010, 264 p.
13. Michal'skaya A.K. *O rechevom povedenii politikov* [About politicians' speech behaviour]. Available at: [http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8\\_politics.html](http://www.ng.ru/ideas/1999-12-03/8_politics.html).
14. Osetrova E.A. [Speech portrait of a politician: content and communicative constituents]. *Linguistic annual of Siberia*, 1999, no. 1, pp. 58–66. (in Russ.)
15. Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: diss....dokt. filol.nauk* [Strategies and tactics in speech behaviour of the contemporary Russian political elite]. Saratov, 2005, 325 p.
16. Sedov K.F. O [About genre nature of discourse type of thinking of a language personality]. *Speech genres*, 1999, no. 2, pp. 14–28. (in Russ.)
17. Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000, 386 p.
18. Andone C. Confrontational strategic manoeuvres in a political interview. *Controversia*, 2010, no. 7(1), pp. 74–90.
19. Eemeren F.H., Garssen, B.J. In varietate concordia – united in diversity: European parliamentary debate as an argumentative activity type. *Controversia*, 2010, no. 7(1), pp. 19–37.

**Marina V. Nikiforova**, Post-graduate student of the Chair of Rhetoric and Cross-cultural Communication of the Ural State Pedagogical University, armada29@yandex.ru. Scientific supervisor – PhD, Professor A.P. Chudinov.

*Received 4 April 2014*